

*Золотые пчелы ищут мед.
Где найдут его?
В синеве,
что над бутоном розмарина.*

Федерико Гарсия Лорка

ПРОЛОГ

Ветер, пропитанный солью и влагой, поднимается над морским побережьем, навевая воспоминания. Маргарита Сенес открывает глаза и устремляет свой взор в яркую синеву неба.

Она устала.

Уже несколько месяцев дышать все труднее, и сердце бьется все чаще.

— Уже почти, — бормочет она, устремляя взгляд к горизонту.

И улыбается.

Маргарита медленно садится, юбка легко скользит по ступенькам. Ткань белая, потому что пчелы любят светлые, солнечные цвета. Рука, когда-то крепкая и волевая, сжимает соломенную шляпу с сеточкой. Уже много лет она не надевает эту шляпу, но всегда носит с собой.

Ее пчелы покладистые, и она терпеливо и спокойно трудится, собирая только излишки, которые не забирает себе улей. Пчелы знают это — они с ней пришли к согласию. Договор, который они заключили, теряется где-то в прошлом, когда она была еще девочкой.

Новая хранительница.

Нежное жужжание окутывает ее и расслабляет. Словно мелодия, которая становится то громче, то тише. Вода из источника порой вторит этому звучанию, нашептывая ей истории былых времен.

Она поднимается на ноги.

Теперь дыхание стало ровнее, и кажется, будто на сердце полегчало.

— Пойдем, — шепчет она и возвращается к обрыву, который оберегает пчел от бушующих мистралей*. Затем бросает взгляд на пчел, следя за полетом рабочих особей, что с пыльцой направляются к улью. Она улыбается, и ее взор скользит по лесной чаще, которая тянется вдоль горизонта.

А вот и оно. Ей удастся разглядеть его вдаль. Тысячелетнее дерево — олива, вырисованная слепящим солнцем и ночной сверкающей луной. Древняя царица в окружении своего двора из изумрудного мха. Ее корни уходят в глубь самых чистых вод, а могучие ветви словно ласкают небо. Маргарита протягивает руку, будто хочет прикоснуться к ним.

Всего лишь миг. Она разворачивается к тропинке и радостно ступает по ней.

— Спускаться всегда легче, — тихо произносит она.

Остается сделать всего одно дело. Теперь она готова, уже можно, она чувствует сердцем. Это ее долг. Чтобы оставить свой след и помочь сделать то же самое другим женщинам.

Эта мысль сопровождает ее по пути домой и потом, когда она пишет письмо, закрывает его и оставляет на кружевной скатерти. Рядом с бумажным конвертом стоит фарфоровое блюдо, на нем лежат жемчужные соты, источая благоухание воска и весеннего меда.

---

* М и с т р а л ь (по-итальянски — маэстрале, *il maestrale*) — холодный северо-западный ветер, который называют «хозяином навигации Средиземного моря» (здесь и далее прим. ред.).

1

Розмариновый мед (Rosmarinus officinalis)

*Тонкий, ароматный и мягкий.
Это мед пробуждения и чистоты,
он дарует смелость перемен. Напоминает аромат
синих цветов, из которых рожден.
Почти белый, кремообразный.*

Рассвело. Больше всего она любила именно рассвет, его цвета, тишину, запах. Таящееся в нем зарождение нового дня.

В жизни Анжелики Сенес было уже много рассветов. Одинаковых, но в то же время таких разных. Если испанские рассветы зажигали чистое небо, в них таились слезы, свобода и бесконечность, то северные — переливчатые, словно опал, — были холодны, рассудительны и серьезны. А чуть южнее, в Греции, заря появлялась неожиданно и искрилась, как фейерверк.

Но был и другой рассвет — из ее воспоминаний. Хрустальный. В его бесконечной синеве отражалась ее душа.

Она ловко выпрыгнула из фургона, в глазах виднелись следы бессонной ночи. Рука сжимала небольшую металлическую стамеску, которая прекрасно ложилась ей в ладонь, повторяя все ее мельчайшие изгибы. Гладкая рукоятка, с тонким наконечником, но достаточно прочная, чтобы приподнять рамку, полную меда. Она была словно продолжением руки.

В те моменты, когда Анжелике хотелось пожалеть себя, ей нравилось представлять, что этот предмет олицетворяет ее саму. Соорудил его Мигель Лопес, управляющий одной из пасек в Испании, где она провела свои первые годы вдали от дома. В этом поместье под синим небом на красных холмах выращивали серебристый розмарин. Тогда Анжелика была не словоохотлива, и это особенно ценил старый пасеч-

ник. Может быть, именно поэтому он стал таскать ее за собой, когда ездил на пасеки или бродил пешком в поиске новых мест для ульев.

Мигель сразу понял, что она говорит на языке пчел. Невероятная редкость. В жизни он ни разу не видел никого, похожего на Анжелику Сенес. В этой девочке было что-то особенное. Из былых времен.

Он тайком наблюдал за Анжеликой и обнаружил, что она не просто умела говорить с пчелами, она *пела*. Она им пела. Пока чистый девичий голосок парил над синим цветочным полем, Мигель чувствовал, что сердце его бьется быстрее. Эти переживания воскресили в его памяти давно дремавшие воспоминания. И поскольку он не мог поделиться с ней своей мудростью, ведь Анжелика знала о пчелах больше, чем кто бы то ни было, он решил соорудить для нее что-нибудь особенное, то, чего у нее не было: пасечную стамеску.

Это он умел, как никто другой.

Он смастерил стамеску из подковы, потихоньку разгибая ее. Внешне хрупкая, легкая, специально подогнанная под маленькую руку. Женскую руку.

С того самого момента Анжелика не расставалась с подарком. И в тот раз, когда она подходила к розмариновому полю, стамеска была при ней. Единственное, что ей нужно, чтобы проверить улей.

Поместье раскинулось, насколько хватит глаз, и его окружало зеленое и синее море. Тонкие листочки саженцев, покрытые росой, отражали неуверенный утренний свет, а легкий ветерок разносил их терпкий аромат.

Розмарин. Из нектара его цветков получается светлый мед, почти белый, который быстро и нежно застывает. Ароматный, сладкий и густой. Ее любимый.

Над полем поднималась дымка, молочно-белое облако уже слегка рассеивалось. Громадный неаполитанский мастиф шоколадного цвета остался ждать в фургоне, который много лет служил ей домом. Своими темными глазами ма-

стиф неусыпно наблюдал за каждым движением хозяйки, и, когда та жестом позвала его, огромный пес помчался ей навстречу.

— Иди сюда, Лоренцо, уже пора, — сказала она ему и потрепала по голове.

Спускаясь по тропинке, она решила, что начнет отсюда. Время от времени Анжелика оглядывалась, подмечая каждую деталь, и принималась, ведь именно воздух может многое рассказать. Пока собственными глазами не увидишь ульи, нельзя сказать, что не так с пчелами господина Франсуа Дюпона, который вызвал ее неделю назад.

Это и было делом ее жизни: пчельница на выезде.

Она знала пчел, их жужжание было для нее самой виртуозной музыкой. Их язык она чувствовала очень тонко, он был соткан из запахов, звуков и ощущений. Она устраняла проблемы, возникающие в ульях, и уезжала.

Хранительница. Последняя хранительница пчел. Она хранила это древнее искусство, которое передавалось от женщины к женщине.

И вот Анжелика обнаружила пчелиный коридор. Как обычно, мысли вмиг улетучивались, стоило ей попасть в этот мир, *ее* мир. Все остальное просто переставало существовать. Пчелы жужжали и стремглав летали туда-сюда. Она проследила за их движением и увидела ульи. Они располагались вдоль кромки поля, вдали от всех ветров. Хорошо, наконец-то верное решение! Ничто так сильно не могло навредить улью, как беспощадный порывистый ветер. Это был тот самый регион Франции, где мистраль мог вырвать дерево с корнем.

Она подошла поближе, пристально исследуя каждую деталь. Когда взгляд упал на выстроенные в ряд, совершенно одинаковые синие ящики, она нахмурилась.

— На всей пасеке нет ни одного отличительного знака, даже маленького рисунка. Тут, наверное, сумасшедшее блуждание пчел, — бормотала она, скрупулезно все изучая, и покачала головой. — Как, по мнению господина Дюпо-

на, пчелы должны тут ориентироваться? По номеру улья? — обратилась она к Лоренцо, который семенил за хозяйкой. — Достаточно ведь любого значка, никто не просит его рисовать здесь Сикстинскую капеллу! — покачав головой, произнесла Анжелика.

Она пробралась сквозь ветви, подошла к ульям с тыльной стороны и краем глаза заметила, что пес свернулся клубочком под кустом. Анжелика улыбнулась. Все как обычно: сначала он рядом, но стоит начать открывать улей, он тут же мчит-ся в укрытие.

— И это пес-пасечник, ну как не стыдно? — улыбаясь, упрекала она.

Приподняв улей, она просунула стамеску между ящиком и крышкой. Легким движением руки подняла крышку и дождалась, пока выберутся пчелы. Они поползли по ее пальцам, и она их внимательно рассмотрела. Блестящие и толстенькие. Они были великолепны в своих золотисто-желтых с охрой шубках. Продолжая крепко сжимать стамеску обеими руками, Анжелика полностью открыла ящик.

И запела. Чистые и прозрачные слова того напева лились над полем. Она закрыла глаза. Звуки рождались внутри и струились из ее губ. Она языком ощущала нежность и ритм этой мелодии. Чувствовала, как поток льется из ее сердца, потом сквозь кончики пальцев, куда-то вдаль. Она пела и пела, пока не услышала задорное жужжание и ей не почудилось, будто она летит вместе с пчелами.

Ее сердце бешено колотилось. Она ощутила жар, который шел изнутри улья, словно руки коснулся приятный бодрящий поток воздуха. Очень осторожно она отложила крышку в сторону, плотно прижав нижнюю губу к зубам, сосредоточенная и молчаливая. Спустя мгновение она выдохнула и снова запела.

Гнездо вроде бы в порядке, хотя и переполнено растерянными пчелами, которые из-за блуждания забились в первый же улей в ряду, а теперь заползали одна на другую, удивленные неясным вторжением. Линии в рамках превосходные.

Густой аромат жемчужного воска и меда разлит в воздухе вместе с дымом, оставшимся от прежних посетителей ульев и уже въевшимся в дерево.

Она осторожно приподняла первые рамки, оценивая собранные в них запасы, и затем добралась до гнезда. Рамка, которую она выбрала, была тяжелой, пчелы-кормилицы ползали по вощинам с личинками. Молодые пчелки, покрытые нежным пушком, пробравшись сквозь тонкий слой воска, который закупоривал похожие на люльки соты, медленно выбирались наружу. Их тут же встречали пчелы-кормилицы, лаская усиками и лапками. Крылышки молодых пчел впервые раскрывались.

В этом мгновении было что-то магическое. Рождение новой жизни всегда было особенным событием. Анжелика заморожено наблюдала за ними, ей казалась, что она видит и чувствует то, что видят и чувствуют они.

Взгляд следил за круговыми движениями рабочих пчел. Возвращаясь в улей, они своим танцем показывали подругам местонахождение медоносов, а остальные пчелы собирали упавшие крупинки пыльцы или всасывали капли нектара и переносили их в соты.

Пчелы были замечательно организованы, у каждой было свое, хорошо знакомое ей дело. Каждая прекрасно знала свое место в этом мире.

Вдруг одна мысль сжала Анжелике горло. Она прикрыла веки, затем глубоко вздохнула и прогнала ее от себя. Анжелика сосредоточилась на пчелином домике, приподняла следующую рамку, затем еще одну, пока не дошла до последней. Она работала осторожно, окутанная резвым жужжанием пчел, в тени крупных кустов ладанника, окаймляющих розмариновое поле. Мир вокруг нее уже пробудился. К пчелам присоединились щеглы с их звонкими трелями, белые бабочки... как их называют? Капустницы, вспомнила она, наблюдая их полет. А вот одна догнала другую прямо на цветке.

Чем больше она смотрела, тем больше открывалось взору. Любуясь этой вселенной, сотканной из звуков, красоч-

ных насекомых и похищенного времени, она словно проникла в какое-то параллельное измерение, где, погрузившись в созерцание, можно заблудиться или замедлить шаг, просто наслаждаясь тем, как луч солнца касается твоей кожи. Просто потому, что тебе так захотелось, без особых на то причин.

Для Анжелики это был миг полной свободы, когда она могла быть собой. Миг, который переполнял ее радостью. Всего одно мгновение, но оно совершенно.

Таков был мир пчел.

«Лети, лети, царица цветов. Лети, лети, золотая пчела. Ты оберегаешь жизнь, ты оберегаешь то, что грядет...»

Закончив проверять первый улей, она была вполне удовлетворена. Ящик в отличном состоянии. Пчелы блестящие, задорно летают, нагруженные пыльцой и нектаром. Запасы обильные, и их более чем достаточно. Она не нашла ни одной причины, почему бы они страдали или плохо размножались. Настораживало лишь блуждание пчел. Пчеломатка была молодая, она правильно откладывала яйца в соты, отведенные для кладки. Полукругом их обнимали соты с медом, самка четко разграничивала разные виды сот и отделяла соты с кладкой от деревянной рамки.

Анжелика с осторожностью открыла один за другим все ящички, повторяя все те же движения, не спеша, сосредоточенно и внимательно все изучая. Закончила она ближе к обеду, дождалась, пока сидящие на ней пчелы улетят, и вместе с Лоренцо поднялась по тропинке. Остановилась у бака с водой для пчел. Лоренцо сунул морду внутрь и принялся лакать воду. Анжелика тоже решила освежиться. Вода стекала по коже, и, словно пчелы, в ее голове зародились мысли. Солнце уже припекало, скоро придется работать в шляпе.

И тогда картинка в ее голове обрела четкие формы: Маргарита, ее Яя, женщина, которая обучила ее этому пению, всегда носила с собой шляпу.

Она на мгновение остановилась в задумчивости, посмотрела вдаль. И продолжила путь наверх.

Можно успеть осмотреть еще одну пасеку, подумала она спустя какое-то время, изучая местность. Чуть ниже, ближе к морю располагалась еще одна пчельня. Начать лучше оттуда.

Забравшись в кабину фургона, она разложила свои инструменты и собралась в путь. Старый фургон закашлял, Анжелика прикрыла глаза и начала молиться. Снова повернув ключ, бросила взгляд на Пепиту, полосатую кошку, свернувшуюся клубочком на приборной панели, еще одного члена этой странной семьи.

— Держись крепче, радость моя.

Кошка лишь окинула ее безразличным взором, зевнула и закрыла глаза. Когда мотор со скрежетом завелся, Анжелика с облегчением выдохнула.